



Рустем Вахитов, Уфа

ИМПЕРИЯ.01

ТОЛЬКО СООБЩА РУССКИЙ НАРОД И ДРУГИЕ НАРОДЫ НАШЕГО ГОСУДАРСТВА МОГУТ ВЫЙТИ ИЗ ЭТОГО КРИЗИСА, А ЕДИНСТВО ИХ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО В РАМКАХ ИМПЕРИИ И НАОБОРОТ ЛЮБОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ – ЧТО ЭТНИЧЕСКИЙ, ЧТО ГРАЖДАНСКИЙ - ПРИВЕДЕТ К ИХ РАЗРЫВУ И МЕДЛЕННОМУ УМИРАНИЮ ПООДИНОЧКЕ...



Проект гражданской нации давно и настойчиво предлагается для России определенными идеологами и политиками. В гражданском национализме они видят панацею – своего рода универсальное лекарство, которое избавит нас от всех проблем в

области национальной политики. Странникам этого проекта удалось добиться, чтобы основные положения и понятия гражданского национализма проникли в государственные документы, в статьи выступления политиков. В Конституции РФ говорится о том, что источником власти в РФ является «многонациональный народ Российской Федерации». Первый президент России Б.Н. Ельцин обращался к гражданам не иначе как «россияне». И даже совсем недавно В.В. Путин, баллотируясь вновь на пост президента в статье о национальном вопросе снова говорил о том, что российская идентичность поможет противостоять угрозам этнонационализмов и прежде всего русского этнонационализма.

Вместе с тем для огромного большинства граждан России все эти рассуждения о гражданском национализме и гражданской нации почти ничего не говорят. В России до сих пор мало кто четко представляет: «что такое гражданская нация и гражданский национализм?», сам термин «нация» употребляется как синоним термина «народ», а национализм воспринимается как од ксенофобии. При такой «этнологической малограмотности» сторонники гражданского национализма с легкостью вбрасывают в общественное сознание свои софистические тезисы тем самым исподволь подготавливая те самые конфликты на этнической почве, от которых они обещают избавить нас при помощи проекта гражданской нации...

Но давайте разбираться во всем по порядку.

2. В современной науке принято различать два вида национализма как идеологии, обеспечивающей единство нации – этнический и гражданский. В первую очередь они отличаются пониманием самого феномена нации. В согласии с первым этническим национализмом нация представляет собой сообщество людей, которые объединены общими происхождением, языком и культурой, особенностями коллективной психологии («национальным характером»). Иными словами здесь слово «нация» употребляются примерно в том же значении, что и слово «этнос» (при всех различиях между ними, которые связаны прежде всего с тем, что этнос – принадлежность мира традиционного, а нация – род модернистского сообщества, немислимая без таких «машин современности» как университет, книгопечатание, газеты и журналы, литература и литературный язык и т.д.).

Целью нации этот вид национализма считает создание и сохранение своего собственного национального государства. Такое государство существует для удовлетворения жизненных

потребностей одного государствообразующего этноса, представители других этносов могут быть формально равноправными, но они остаются этническими меньшинствами, права которых в реальности вторичны по отношению к правам титульного народа. В ряде случаев в подобных государствах закон прямо предусматривает ограничения в правах для жителей и даже граждан нетитульной национальности.

Такого рода национальные государства были распространены в XVII-XIX веках, прежде всего в Восточной Европе. Так, многие немецкие государства первой половины XIX (как известно, единой Германии тогда не существовало) позиционировали себя как «германско-христианские», то есть полноправными гражданами в них являлись лишь этнические немцы, исповедующие христианство, а, к примеру, этнические евреи, исповедующие иудаизм, даже немецкоязычные и, так сказать, немецкокультурные, гражданами не считались или обладали урезанными правами: не могли быть избранными в органы государственной власти, не могли заниматься определенными профессиями, постоянно проживать определенных местах и т.д. Схожая ситуация была даже в тех государствах, которые сегодня принято противопоставлять «восточноевропейской этнонационалистической модели» как образец либерализма. Например, в США вплоть до 1875 года чернокожие американцы были лишены прав гражданства. То есть до 1875 года чернокожие не считались членами американской нации (а в южных штатах до 1960-х они не были полноправными гражданами по так называемым «законам Джимми Кроу»). Индейцы были в таком положении до 1924 года. Как видим, вплоть до конца XIX - начала XX в.в. американская нация носила если не этнический, то расовый характер.

В настоящее время этническое понимание нации и национального государства заложено в основания конституционного строя некоторых восточноевропейских государств и бывших советских республик, например, республик Балтии. Так, Литовская республика согласно Конституции является результатом реализации права на самоопределение литовского народа, который как говорится в тексте Конституции, веками решительно защищал «свою свободу и независимость» и сохранил «свой дух, родной язык, письменность и обычаи». Закон о гражданстве Литовской республики предусматривает упрощенные правила приема в гражданство Литовской Республики (без натурализации) лиц литовского происхождения, то есть лиц, имеющих одного или обоих родителей (бабушек и дедушек) - литовцев и считающих себя литовцами. Хотя среди населения Литвы по переписи 2001 года 6% русских и 60% русскоязычных, русские считаются нацменьшинством, а русский язык – языком нацменьшинства.

За пределами Восточной Европы этническое понимание нации и национального государства почти не встречается, исключение составляет

государство Израиль. Израиль не имеет своей Конституции, но в декларации о независимости, принятой 14 мая 1948 года и выполняющей некоторые функции так и не принятой до сих пор конституции, Израиль называется воссозданным суверенным государством еврейского народа на земле Израиля («Эрец Исраэль»), которое открыто для каждого этнического еврея; в то же время провозглашается гражданское равноправие живущих в Израиле арабов (которые тоже имеют права граждан Израиля за исключением тех, кто живет на территории палестинской автономии).

В согласии с позицией альтернативного гражданского национализма нация, напротив есть не этническое, а политическое сообщество, тот самый абстрактный «народ» который является источником суверенитета по конституции любого демократического государства. Как видим здесь слово «нация» употребляется в ином смысле – как синоним слов «государство», «гражданское общество». Именно этот смысл подразумевается, когда говорят о национальных интересах Франции или Америки, о национальной экономике России и т.д. При этом этничность членов данного «народа», по декларациям гражданских националистов, роли не играет.

На современном Западе (в Западной Европе и в США) господствует именно второе понимание нации. Когда в нынешней Франции говорят о французах, то имеются в виду вовсе не «этнические французы», а просто граждане Франции, которые по своей этнической принадлежности могут быть алжирцами, арабами или русскими (как Марина Влади, которую на самом деле зовут Марина Владимировна Полякова-Байдарова). Гражданский национализм предполагает, что члены одного и того же политического сообщества - «нации» должны быть лояльными по отношению к государству, гражданами которого они стали, знать язык, который в этом государстве признается официальным, разделять набор культурных ценностей, которые признаются в этом государстве базовыми. Но и не более того – в быту они могут сохранять свою этническую идентичность, говорить на родном языке, исповедовать свою этническую религию. При этом ни один гражданин нации не имеет преимуществ перед другими в связи со своей этнической принадлежностью. То есть этнический француз имеет столько же прав, сколько этнический алжирец, если они оба обладатели французского гражданства.

Применительно к России проект гражданского национализма означает, что все граждане России, независимо от их этнической принадлежности, составляют единую российскую нацию, подобную, скажем, американской. При этом они могут принадлежать к разным этносам и быть россиянами русского, татарского, якутского или даже вьетнамского и африканского происхождения, но их объединяет российский патриотизм, русский язык как язык российского государства и «культурный минимум», составляющий базу идентичности россиянина (скажем, высокая оценка тех или иных

исторических персонажей – от Александра Невского до Юрия Гагарина или событий российской истории – от крещения Руси до победы в Великой Отечественной войне). Сторонники проекта гражданской нации дабы подчеркнуть ее полиэтнический характер говорят даже о «многонациональном российском народе», но это не должно вводить в заблуждение. Речь не о том, что народы, входящие в состав России представляют собой нации, ведь нация в этом смысле (то есть политическое гражданское сообщество) здесь одна – общероссийская, а всего лишь о том, что граждане России имеют право на этничность – в той степени, в которой это не противоречит гражданскому российскому патриотизму.

3. Сторонники гражданского национализма утверждают, что такой проект в нашей стране, отличающейся крайней этнической пестротой, предпочтительнее, чем проект национального государства, рассматриваемого как результат самоопределения одной нации в этническом смысле. В России проживает около 120 народов и если каждый из них попытается создать свое национальное государство на основе идеологии этнонационализма, то мы получим гражданскую войну на 1/6 части суши. Не получится, утверждают они, и построить здесь этнонационалистическое русское государство, как желают сторонники лозунга «Россия для русских!». Хотя и этнических русских в Российской Федерации более 80%, а например, этнических чеченцев менее 1%, очевидно, что, как замечает С. Маркедонов, большая численность не всегда совпадает с высокой активностью и высоким уровнем этнической солидарности. События на российском Северном Кавказе в 1990-е годы подтвердили это: маленький чеченский народ, численность которого равна численности одного российского областного города, смог втянуть огромную Россию в долговременный военный конфликт.

Легко предположить, что если Россия превратится в национальное государство русского народа, в том же смысле, в каком Литва является государством литовского народа, как этого желают русские этнонационалисты, это вызовет ответную реакцию татарских, башкирских, якутских (не говоря уже о кавказских) националистов. Ведь по сути дела их народы в русском национальном государстве обречены будут на роль дискриминируемых этнических меньшинств. При этом если литовские националисты обосновывают эту дискриминацию тем, что русских, которые сейчас существуют на том же положении в Литве, никто не звал в эту республику; русские приехали туда в имперский период (который литовские националисты именуют «оккупацией»), а затем не захотели возвращаться, хотя у них есть историческая Родина – Россия (замечу, я просто излагаю аргументацию литовских националистов, это не значит, что я с ней согласен), то русские националисты не смогут выдвинуть ту же аргументацию по отношению к башкирам, татарам, якутам. Ведь с точки зрения исторической коренными народами в этих

республиках являются именно данные «титульные» народы, а вовсе не русские, так как предки этих «титульных» народов жили на этой земле за сотни лет до прихода туда русских колонистов. Кроме того, никакой другой исторической Родины у этих народов нет, и уезжать им некуда, фактически русские этнонационалисты ставят их в такие условия, когда они на своей родной земле оказываются дискриминируемым этническим меньшинством. Естественно, это вызовет не просто взрыв этнонационализма среди нерусских народов России, но и настоящее гражданское, возможно даже вооруженное противостояние.

На первый взгляд действительно, сторонники гражданского национализма правы: этнонационализмы – и русский, и нерусские смертельно опасны для нашей Родины - России, поэтому лучше уж национализм гражданский, где всем – и русским, и башкирам, и татарам, и якутам следует просто признать себя россиянами, полиэтническим политическим обществом, составляющим субстрат государства Российская Федерация. Именно эту идею страстно пропагандирует последние несколько лет известный идеолог патриотической оппозиции Сергей Георгиевич Кара-Мурза, и в искренности его стремления сохранить Россию как единое государство и цивилизацию сомневаться не приходится; ее доказывают все его публицистические выступления, начиная с эпохи перестройки.

Но, увы, по зрелому размышлению нетрудно понять, что альтернатива: «этнический или гражданский национализм» ложная (что для специалистов давно уже не новость, об этом написана блестящая работа Бернарда Яка «Миф гражданской нации»). На самом деле они представляют собой не противоположности, а две стадии развития одного и того же феномена. *Гражданский национализм имеет своим базисом национализм этнический и не может без него существовать.* Возьмем такую «образцовую» гражданскую нацию как французскую. Западные теоретики национализма, в частности, Ганс Кон, любят противопоставлять французский «прогрессивный» политический национализм, который предполагает, что нацию составляют все граждане, «плохому» «нетолерантному» немецкому национализму (русский национализм Кох возводит к немецкому, тем самым противопоставляя «тоталитарные нации» - русских немцев, «либеральным нациям» - французам и американцам), где народ понимается как этнос, «Volk». Но ведь и классики раннего французского национализма – философы и ученые-просветители и революционеры вовсе не считали, что французская нация – это конструкт из абстрактных граждан без этничности, лишенный исторических корней и видели во французской нации именно этническую нацию с глубокими историческими корнями – потомков галлов, а в этих, последних – наследников великой цивилизации древности – республиканского Рима.

Так, историк Мабли прямо называл сообщество галло-римлян до их завоевания

франками «французской нацией» (этим ничем не отличаясь от идеологов немецкого национализма, для которых «немецким народом» была община древних германцев). Ключевая фигура французской революции аббат Сийес в простонародье видел потомков галлов и римлян, а в аристократах – потомков германцев. Широко известны следующие его слова: «если аристократы являются потомками подлинных завоевателей и если они теперь пытаются удержать народ в угнетении, то народ осмелится спросить их — по какому праву? ... Почему бы, в самом деле, не препроводить обратно во Франконские леса все те семьи, которые сохраняют безумные притязания на права первоначальных завоевателей Франции? Нация, освободившись от завоевателей, вероятно, кое-как утешилась бы в том, что ей пришлось бы считать своими родоначальниками одних только галлов и римлян».

Восприятие французской нации как этнической характерно и для крупнейших французских историков XIX века. Классик французской исторической науки О. Тьерри, оказавший огромное влияние на французское национальное самосознание, рассматривал средневековые коммунальные войны (то есть войны между городами и феодалами) как продолжение борьбы галлов против завоевателей-франков, то есть германцев. Другой знаменитый историк начала XIX века Гизо прямо писал: «Более тринадцати веков Франция состояла из двух народов: народа-победителя и народа побежденного. В течение более тринадцати веков побежденный народ боролся, чтобы сбросить иго народа-победителя ... Франки и галлы, сеньоры и крестьяне, дворяне и простой народ все задолго до революции назывались французами.. Но даже столь продолжительное время не стерло различия между ними... когда в 1789 году депутаты всей Франции собрались вместе, эти два народа поспешили вновь начать свою старую распрю...».

Итак, первоначально французская нация осознавалась ее представителями как типичная этническая нация, и если она и включала в свой состав представителей других народов, то родственных или живших по соседству на территории Французского королевства (бретонцев, бургундцев, провансальцев), активно их ассимилируя. Этим она ничем не отличалась от немецкой этнической нации, которая росла за счет поглощения «нациообразующим этносом» - пруссаками многочисленных немецких народностей и даже славян. Речи о включении во французскую нацию арабов и негров не шло и не могло идти, ни в XVIII, ни в XIX, ни даже в первой половине XX века.

То же самое можно сказать и другом классическом примере «гражданского национализма» - американском национализме. Отцы-основатели США, провозглашая в Конституции США права и свободы «народа Соединенных штатов», то есть проще говоря, американской нации, имели в виду под таковой совершенно определенное этническое сообщество – белых англосаксонских протестантов (WASP). Они не исключали, что в

американскую нацию могут войти представители других германских протестантских народов Европы, прежде всего немцев и голландцев с условием их обязательной «англизации» (так, Бенджамен Франклин высказывал беспокойство в связи с тем, что иммигранты в Пенсильвании все еще говорят по-немецки), но уже по отношению к романцам – испанцам, французам и тем более латиноамериканцам, позиция была жестче, они в глазах отцов-основателей находились за границей американской нации.

Чернокожие же американцы, как уже говорилось, вплоть до 1875 года, а американские индейцы - вплоть до 1924 года ни в коем случае не считались членами американской нации и именно по расовому признаку (причем, в США до середины 19 века действовал «закон одной капли крови», согласно которому небелым считался даже человек, у которого были черные и индейские предки в 7-ом поколении). Это само по себе означает, что американская нация первоначально понималась именно как расово-этническая, а вовсе не как гражданская общность (кстати, американские негры не только к тому времени жили столетиями на американской земле, но и говорили по-английски и исповедовали протестантизм, единственным препятствием их вхождения в американскую нацию был критерий происхождения). Как отмечает известный современный политолог А. Уткин только к периоду Второй мировой войны, когда в США хлынули потоки иммигрантов из стран Восточной и Южной Европы (поляки, евреи, итальянцы и т.д.) американская национальная идентичность перестала быть расово-этнической.

Итак, этнический национализм предшествует гражданскому по времени. Прежде чем нации Запада стали гражданскими, они были этническими. Но дело тут не только в хронологии, но и в причинно-следственной связи. Иными словами, *западные нации стали гражданскими, потому что они были этническими*. Чтоб осознать это, нужно снова обратиться к определению гражданской нации. Таковой является сообщество людей, объединенных не единым происхождением (неважно, реальным или мифическим), а единым гражданством, принадлежностью к одному и тому же государству, а также добровольной приверженностью к системе ценностей и культуре, которая ассоциируется с этим государством. *Однако те культурные ценности нации, которые затем в эпоху гражданского национализма предлагаются принять как свои этнически чуждым кандидатам на гражданство, вырабатываются в эпоху этнического национализма и принадлежат определенной этнонации. Гражданский национализм предполагает приобщение новых граждан к культуре, которая была создана представителями этнического ядра. По сути при декларировании равенства всех этнических групп в едином политическом сообществе – нации, некоторые из них молчаливо признаются стоящими выше других.*

Действительно, если уж последовательно проводить в жизнь декларируемые принципы гражданского национализма, а именно равенство всех этнических групп, независимо от того, «коренные» они или нет (о чем любит поговорить, например, В. Тишков), то почему бы не переименовать Французскую республику в Африкано-Арабско-Французскую, или почему бы не объявить наряду французским языком государственным языком этой республики арабский, а языком межэтнического общения английский? Предвижу резонный и справедливый ответ, потому что эта земля – Родина этнических французов, которые создали здесь некогда национальное французское государство, а африканцы и арабы - чужаки, приехавшие во Францию со своих исторических Родин и чтобы стать полноправными гражданами, они выучить французский язык, овладеть азами французской культуры, уважать ее традиции. Но ведь это ответ совершенно вписывающийся в дискурс этнонационалистической идеологии.

Получается, что *гражданская нация – это всего лишь модификация этнической нации, а гражданский национализм – модификация национализма этнического*, потому что внутри гражданской нации есть коренная этническая группа, в честь которой названа страна, язык которой объявлен государственным, культура которой является базой для государственного конституционного патриотизма, члены которой получают гражданство просто по факту рождения, и есть другие этнические группы, формально располагающие теми же правами, фактически могущие рассчитывать лишь на то, чтоб их языки и культуры останутся языками и культурами бытового общения и их члены смогут стать полноценными гражданами лишь в результате трудного процесса натурализации.

Правда, либерал возразит на это, что нации как политические сообщества не являются совокупностями этнических групп, а представляют собой совокупность индивидов, для которых этничность – лишь один из многих маркеров идентичности. Но это просто смена оптики: можно сказать, что машина состоит из атомов, но от этого она не лишится капота, кузова и мотора. К тому же в современных гражданских нациях этничность членов коренных этнических групп – не результат свободного выбора, как у членов других групп, а результат следования традиции, бессознательного перенятия этнических ценностей в процессе воспитания, который начинается с младенческого возраста. Араб, приехавший во Францию, может свободно и сознательно решить ассимилироваться во французском этносе, француз по происхождению, родившейся во французской семье, становится французом вовсе не по своей воле, а потому что так вышло естественным образом. И опыт показывает, что когда он вырастет, то скорее всего не станет менять свою этничность, тем более на этничность гражданина Франции арабского происхождения.

Сторонники гражданского национализма любят приводить фразу Эрнеста Ренана о том, что

нация – это ежедневный плебесцит. На самом деле эта мысль глубоко ошибочная. *Если бы нация была бы действительно ежедневным плебесцитом, то значит, в любой из дней нация могла бы распаться, коль скоро ее члены – граждане не захотели бы быть вместе, обнаружили, что у них разные взгляды на историю этого сообщества и на его базовые ценности. Фактически ведь их ничто всерьез не связывает, они – свободные самостоятельные индивиды, которые сами выбирают: примыкать им к одной нации или нет.* Тот факт, что североамериканская и французская нация существуют до сих пор объясняется лишь тем, что они не являются вполне гражданскими нациями, они сохранили этническое ядро, где этничность не выбирается добровольно и сознательно, а просто транслируется из поколения в поколение, и для членов этого этнического ядра так естественно быть французом или американцем, что они даже не ставят вопрос о своей принадлежности к этим нациям, то есть не участвуют в пресловутом ежедневном плебесците. А участвует в нем мексиканец или русский, который став французом или американцем, мучается сомнением: правильно ли он поступил или может лучше прямо сегодня выйти из этого сообщества и вернуться на Родину?

Но вернемся к российским проблемам. Очевидно, что проповедь гражданского российского национализма встретит и встречает у представителей нерусских этнических групп в России такой же отпор как и проповедь этнического русского национализма. Это вполне естественно: с точки зрения интересов нерусских народов России принципиальной разницы между проектом русского этнонационализма и российского гражданского национализма нет, второй есть лишь смягченный вариант первого.

Российская гражданская нация – это та же самая русская этническая нация с нерусскими этническими меньшинствами, разница только в том, что меньшинства получают право сохранять свою этничность, то есть говорить в быту на своем языке, исповедовать свою религию, чтить свои обычаи и традиции в той мере, в которой это не противоречит государственным законам, уходящим корнями в ментальность государствообразующего русского этноса (яркий пример – запрет на многоженство в законодательстве РФ, связанный христианскими основами русской культуры). В отличие от проекта русского этнонационализма, при этом никто не требует от этих меньшинств ассимилироваться или убираться вон. Хотя сами реалии российского гражданского общества будут подталкивать молодых нацменов к ассимиляции.

В случае России при этом существует и еще один аспект проблемы. Гражданская нация при всех ее отличиях от этнической, представляет собой все же нацию. Нация же есть гражданское общество, управляемое унифицированным законом, распространяющимся одинаково на всех граждан, независимо от их происхождения и религиозной принадлежности и одинаково на

каждую провинцию национального государства, независимо от того, какие этнические группы там проживают и являются они коренными или нет. Закон государства-нации – это результат общественного договора, который, как известно, заключается между рациональными эгоистами, как понимает человека философия Просвещения, и породившая проект нации. Сам этот закон воплощает автономный, унифицированный просвещенский Разум, суждения которого безотносительны к обстоятельствам и всегда и везде одинаковы.

Таким образом в рамках нации в принципе невозможны национально-территориальные образования вроде автономных республик, областей и округов. В таком государстве гражданской нации как США нет Ирокезской автономной республики и Делаварского автономного округа, равно как и во Франции нет Бретонской республики и Гасконского национального округа. Суверенитет нации един и неделим и с этой точки зрения такие понятия как «суверенитет в рамках Российской Федерации» бессмысленны. Источником суверенитета как высшей государственной власти по законам демократического государства-нации являются не суверенные регионы, а суверенные атомизированные свободные граждане.

Этот очень хорошо понимают наиболее последовательные сторонники гражданского национализма в России, которые неоднократно высказывались в пользу упразднения национально-территориальных образований и замены их административно-территориальными, например, Республики Башкортостан Уфимским краем и т.д. Правда сам главный идеолог российского гражданского национализма В. Тишков занимает здесь осторожную и компромиссную позицию. Он считает, что сразу упразднить республики нельзя. «Существование части субъектов федерации в форме национальных республик - это политическая реальность, которая должна всячески уважаться – провозглашает он. Но при этом он предлагает он предлагает активно использовать во всех регионах такой механизм сохранения этничности как экстерриториальная национально-культурная автономия: «Не вместо, а вместе с национально-государственными образованиями национально-культурная автономия является важнейшей формой национального самоопределения народов Российской Федерации». При этом очевидно, что со временем подразумевается полное сворачивание таких аномалий как «государства внутри государства» и полный переход к экстерриториальным национально-культурным автономиям и административно-территориальному делению России.

Очевидно, что это вызовет и уже вызывает со стороны нерусских народов России и их элит явное сопротивление. Как бы ни относиться к этим образованиям – как к достижению или к ошибке национальной политики большевиков – народы, которые около 70 лет имели свои республики, а потом их лишатся, не станут терпеть это. Движение России к любой форме

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

национального государства чревато внутренним расколом и гражданским противостоянием, возможно даже вооруженным.

4. Настоящей альтернативой проектов и этнического и гражданского национализма является имперский проект. Слово «империя» с советских времен вызывает у многих негативные ассоциации, так как официальная советская идеология осуждала империи и империализм как форму эксплуатации великими «историческими» нациями малых, «неисторических» народов и противопоставляла империи идеал свободного содружества народов и наций (именно так понимался с точки зрения советской пропаганды сам СССР – как добровольный союз свободных социалистических наций, своего рода первая в истории «антиимперия»). Однако такой свободный союз, конечно же, представляет собой не что иное как красивую утопию, и сам СССР был тоже своеобразной империей, правда, принципиально отличной от капиталистических империй Запада. Да и эксплуатация одними народами других – специфическая черта не империй вообще, а колониальных империй Запада Нового времени, где метрополия была европейским государством-нацией, а периферией – народы Африки, Азии и Южной Америки. Однако как отмечают специалисты –империоведы, имелось множество империй, в которых все обстояло иначе – политическая элита представляла собой наднациональное образование, куда могли инкорпорироваться представители самых разных народов. Джоффри Хоскинг называет такие империи «азиатскими» (хотя правильнее говорить о традиционных империях, потому что таковые были и на Западе, пример, Австро-Венгрия). Основные черты такой традиционной империи следующие:

- 1) Источником высшей власти является не сообщество унифицированных граждан, а суверен, который является носителем и воплощением имперской – сакральной или псевдосакральной идеи
- 2) Политическая элита верстается не по национальному, а по идеологическому признаку и состоит из представителей всех народов империи
- 3) Народы, входящие в империю, обладают определенной самостоятельностью, могут жить по своим законам и обычаям и пользоваться благами самоуправления, если это не противоречит имперскому, достаточно гибкому закону. Империя в отличие от нации – это не культурное, а политическое единство (что не исключает комплиментарности ее народов)
- 4) Суверен наделяет народы не только правами, но и обязанностями (гласными и/или негласными), таким образом, империя представляет собой нечто вроде организма, в котором каждый народ имеет свою функцию

Как видим, империя традиционного типа имеет как минимум три фактора, которые выгодно отличают ее от нации, как этнической, так гражданской и делают ее привлекательной для

представителей особенно небольших народов, обреченных на ассимиляцию и уничтожение в случае реализации националистического проекта больших народов.

Во-первых, империя не предполагает ассимиляции входящих в нее народов (иначе, собственно говоря, империя превратится в нацию, культурно гомогенное пространство).

Во-вторых, в империи традиционного типа, где политическая элита наднациональна, нет такого существенного неравенства этнических групп, как в нации, где, как мы выяснили, независимо от того: этническая это нация или гражданская, есть одна титульная этническая группа, чей язык и культурные ценности являются официальными, государственными, и все остальные, которым отведена роль этнических меньшинств. Обычно приводимые исключения только подтверждают это правило: в той же Османской империи греки имели меньше прав, чем турки: облагались большим налогом, подчинялись законам шариата, не имели права ездить верхом и т.д. Но причиной этого было не то, что они – греки, а то, что они – христиане, то есть это была дискриминация не по этническому, а по религиозному признаку (поскольку государственной идеологией Порты был ислам).

Наконец, **в-третьих, империя, как уже отмечалось, предоставляет входящим в нее лояльным этническим группам возможность вести самобытный образ жизни, подчиняться своим исконным законам и традициям, во всяком случае в той мере, в какой это не противоречит законам империи**. Если мы уж берем в качестве примера традиционной империи Порту, то тут мы должны вспомнить миллеты – религиозно-этнические автономии в Османской империи, которые компактно проживали на определенной территории и обладали правами самоуправления (имели свои суды, школы, больницы), причем, главой милета был религиозный руководитель общины, так «милет-рум», то есть «римской» (византийско-греческой) общиной руководило Константинопольский патриарх.

Обратимся теперь к России. Россия и в царские и в советские времена была именно империей и именно традиционного типа. Она отвечала всем названными характеристикам таких империй.

Российская империя управлялась императором, который правил как помазанник Божий и власть его была освящена государственной православной церковью.

Русскими дворянами, министрами, полководцами становились и грузины, и армяне, и тары, не говоря уже об огромном количестве немцев на русской службе. Особо следует сказать о доме Романовых, члены которых могли бы называться этническими немцами не в меньшей мере, чем этническими русскими (иногда на Российском престоле оказывались и чистокровные немцы, как, например, София Августа Фредерика Анхальт –Цербстская, вошедшая в историю как

Екатерина Великая, отец которой был прусским маршалом, а дядя - шведским королем).

Вмешательства власти во внутренние дела подвластных народов в Российской империи были, скорее, исключением, чем правилом (Угнетение инородцев, о которых так охотно говорили большевики, и теперь говорят нерусские националисты в России начались лишь с эпохи Александра Третьего.). Финляндия имела фактически полную автономию, управлялась парламентом, в котором, кстати, официальным языком был не русский, а шведский, не платила налоги в имперскую казну. В Туркестане даже государственная переписка велась на тюркском. Законы империи, которым подчинялись центральные губернии, вообще не распространялись на вновь приобретенные имперские территории – Кавказ, Туркестан (так, на этих территориях не были введены земские суды, которые вводились во «внутренних губерниях» по реформе Александра Второго). Мусульманским народам было разрешено вести судопроизводство по своим обычаям, то есть по шариату (собственно, имперские власти закрывали глаза на то, что общины русских крестьян вершили самосуды, например, над конокрадами по принципам своего «обычного права»).

Наконец, в Российской империи было четкое деление на «природных поданных» и «инородцев» и законы ясно оговаривали: какой народ какие имеет права, где его представители могут селиться, чем заниматься и т.д. Например, татарские купцы имели преимущественное право на торговлю с восточными странами, еврейские – с европейскими, а русские - господствовали на внутреннем рынке; инородцев Туркестана не призывали в армию, но зато облагали особым налогом и т.п.

Советский Союз по внешним признакам был светским атеистическим государством, которое представляло собой особую советскую демократию и управлялось советами разного уровня - от поселкового до Верховного. Поэтому некоторые современные идеологи гражданского национализма, излишне доверяя саморекомендациям советского государства, говорят, что там существовала специфическая гражданская, советская нация. Однако под тонким слоем модерна в советском обществе пряталось обычное для России традиционное имперское квазирелигиозное идеократическое государство, напоминающее Российскую империю и отвечающее тем же характеристикам.

Прежде всего, СССР не был нацией в точном смысле слова, ведь нация – это форма гражданского общества, где высшая власть принадлежит народу, «демосу», состоящему из атомизированных свободных равноправных граждан, который осуществляет самоуправление через институты либеральной демократии. Хотя в СССР по Конституции источником высшей власти тоже объявлялся народ, на самом деле вся власть принадлежала вождю партии. И обладал он ею не потому, что его избрал народ, наделив его данными полномочиями – выборы в СССР были фактически лишь средством

легитимизации существующего положения вещей, а потому что власть его восходила к главному персонажу советской политической псевдорелигии - Ленину, который преподносился как некий полубог, который вырвал человечество из царства эксплуатации и зла и открыл путь к царству справедливости и добра. Советские генсеки правили именем Ленина так же, как российские императоры – именем Божиим.

Подлинная, а не декларативная элита советского общества – номенклатура партии также как и в любой традиционной империи была наднациональной, в ней присутствовали представители самых разных народов – евреи, армяне, грузины, украинцы, так же как Российской империей управляли в основном немцы, СССР управляли последовательно грузин, украинец и молдаванин. Причем, объединяла эту элиту не унифицированная культурная идентичность, как в случае нации – многие представители номенклатуры так и не научились правильно говорить по-русски после десятиков лет жизни в Москве, а верность имперской идее и политическому суверену.

Далее, так называемые национальные республики в СССР были не столько национальными «государствами в государстве», как их рекомендовала пропаганда, которой важно было показать, что большевики всем дали самоопределяться, сколько наследницами имперских форм автономии и самоуправления подвластных народов, причем, каждый народ также имел свои негласные обязанности, своего рода имперское служение. Например, русские были народом рабочих, инженеров, учителей, врачей, их служением было обслуживание институтов модерна (промышленность, здравоохранение образование) по всей империи, узбеки занимались хлопкоробством (за исключением небольшой прослойки чиновников и представителей национальной интеллигенции) и т.д. и т.п. При этом сталинская система прописки обеспечивала компактное проживание народов на их собственных территориях и при всех недостатках этой системы имела то достоинство, что исключала ассимиляцию нерусских народов в русском народе. Только в 1970-х годах, когда препоны, созданные Сталиным, пали, началось бесконтрольное переселение представителей национальных меньшинств в города, их стихийная ассимиляция и как результат – рост националистических настроений в среде интеллигенции этих народов и рост русского национализма в центре. Чем это все кончилось известно – распадом СССР.

5. Известная поговорка гласит: «Империя – это мир». Россия сотни лет существовала как государство, где сосуществовали более сотни разных народов именно потому что она была империей традиционного типа (как бы она ни называлась официально). И сейчас нужно не ломать империю, а восстанавливать ее, поскольку наша империя больна, лишена своего стержня – имперской идеи, деформирована западническими институтами и стереотипами. Только сообщая русский народ и другие народы нашего государства могут выйти из этого кризиса, а единство их возможно только в рамках империи и наоборот любой националистический проект – что этнический, что гражданский - приведет к их разрыву и медленному умиранию поодиночке... ▲